

А. В. Квашин

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Стихотворение-заговор как тип «словесной машины»
в раннем творчестве Д. И. Хармса
(на примере стихотворения «Говор»)**

Аннотация: Рассматриваются типологические особенности жанровой системы Даниила Хармса в контексте понятия «словесная машина», под которым Хармс понимал способ воздействия словом на реальность. Всего писатель выделяет четыре типа «словесных машин»: стихотворение, заговор, молитва и песня. Однако в творчестве Хармса, помимо «чистых» стихотворений, встречаются смешанные варианты «словесных машин»: являясь стихотворением по форме, они могут являться иной «словесной машиной» по сути. Наличие в творчестве Д. И. Хармса таких «смешанных» типов, как стихотворные молитвы и «стихотворения-песни» позволяет автору предполагать существование третьего «смешанного» типа – стихотворений-заговоров. Свою концепцию стихотворения-заговора автор основывает на анализе ранних текстов Д. И. Хармса (в данной статье представлен анализ стихотворения «Говор» (1925 г.)).

This paper is devoted to the typological features of the genre system of Daniil Kharms in the context of the concept of «word machine», which Kharms understood as a way to affect reality by word. All in all the writer distinguishes four types of «word machines»: a poem, spell, prayer and song. However, in the works by Kharms there also occur mixed versions of «word machines» in addition to the «pure» poems: being poems in the form, they can be other «word machines» in essence. The presence in the works by Kharms such «mixed» types as poetic prayers and «song-poems» allows the author to assume the existence of a third «mixed» type – that of spell-poems. The author bases his concept of a spell-poem on an analysis of the early texts by Kharms (presented in this paper is an analysis of his poem ‘Govor’ (1925)).

Ключевые слова: жанровая система, заговоры, словесная машина, трансформация жанра, ОБЭРИУ, Хармс.

Genre system, charms / spells, word machine, genre transformation, OBERIU, Kharms.

УДК 821.161.1

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, сектор литературоведения. Тел. 8(383) 3304772. E-mail: kwaschin@yandex.ru

На сегодняшний день творчество Даниила Ивановича Хармса довольно подробно исследовано, однако работ, посвященных рассмотрению непосредственно жанровой специфики его произведений, крайне мало. Особенно это касается ранних поэтических текстов Хармса: можно сказать, что они практически не изучены, тем более – в контексте их корреляции с «традиционными» для русской культуры жанрами (под которыми мы подразумеваем, следуя логике самого Хармса, как минимум заговор, молитву и песню «вообще»), хотя попытки такого анализа предпринимались (см., например: [Александров, 1980; Шукуров, 2007]).

Рассматривая произведения Хармса, нельзя забывать об его отношении к слову как орудию магического ритуала, воздействия на реальность, *меняющему* (или даже создающему) мир. Приведем запись из дневника Хармса за май 1931 года: «Сила, заложенная в словах, должна быть освобождена. Есть такие сочетания из слов, при которых становится заметней действие силы. Нехорошо думать, что эта сила заставит двигаться предметы. Я уверен, что сила слов может сделать и это. Но самое ценное действие силы почти неопределимо. Грубое представление этой силы мы получаем из ритмов ритмических стихов...» [1991, с.93].

В той же дневниковой записи Хармс называет *стихотворения* среди четырех типов «словесных машин» (то есть способов воздействия словом на реальность), ему известных, наряду с *заговорами*, *молитвами* и *песнями*. Последние три типа «словесных машин» могут реализоваться лишь при произнесении вслух (или пении). И.Е. Лощилов пишет: «Очевидно, что только в первом из четырех “видов” характер работы “машины” детерминирован текстом и только текстом. Остальные три предполагают участие внетекстовых элементов (сакральных, музыкальных, магических). Следовательно, полем действия “словесной машины”, по Хармсу, является не сам текст, но то особое духовное пространство, которое располагается между сознанием автора (художественным субъектом) и читателем (адресатом)» [Лощилов, 1991]. Тем не менее, мы считаем, что именно *чтение вслух*, для которого предназначались произведения Хармса, и есть тот внетекстовый элемент «словесной машины» стихотворения. Кроме того, по нашему мнению, в творчестве Хармса, помимо «чистых» стихотворений, есть смешанные варианты «словесных машин»: являясь стихотворением по форме, они могут являться иной «словесной машиной» по сути. Так, кроме *стихотворных* молитв («Господи, среди бела дня...», «Господи, пробуди в душе моей пламень Твой...» и др.), мы можем найти у Хармса стихотворения-песни («II Михаил», «Вьюшка смерть», «Заумная песенка» и т. д.). Наличие в творчестве Д. И. Хармса таких «смешанных» типов, как стихотворные молитвы и «стихотворения-песни», позволяет нам предполагать существование третьего «смешанного» типа – **стихотворений-заговоров**, одним из наиболее показательных примеров которых, по нашему мнению, является стихотворение «Говор» (<1925>). Приведем полный текст стихотворения:

*Откормленные лылы
вздохнули и сказали
и только из под банки
и только и тютю
катитесь под фуфóлу
фафáлу не пермáжете
и даже отваляла
из мякиша какá –
– косынка моя улька
подáрок или сíteц
зелёная салóнка
чáничка купрýш
сегодня из под áнды
фуфьялятся рука́ми
откормленные лылы
и только
и тютю.
ВСЁ
[Хармс, 2000, с. 20].*

Здесь необходимо сделать отступление и рассмотреть некоторые «теоретические» высказывания самого Д. Хармса. Прежде всего, нас будут интересовать по-

нения *это*, *препятствие*, *то*. Эти понятия довольно подробно описаны и объяснены Хармсом в трактате <О существовании, о времени, о пространстве> [Хармс, 2001, с. 30–34]. Начиная с того, что: «1. Мир, которого нет, не может быть назван существующим, потому что его нет. 2. Мир, состоящий из чего-то единого, однородного и непрерывного, не может быть назван существующим, потому что, в таком мире, нет частей, а, раз нет частей, то нет и целого», – Хармс констатирует, что для любого существования, предмет должен состоять из частей: «4. Всякие две части различны, потому что всегда одна часть будет *эта*, а другая *та*».

Однако, следуя логике Хармса, двух частей недостаточно, между ними обязательно должна быть третья часть, разделяющая две первые: «6. Если существует *это* и *то*, то значит существует *не то* и *не это*, потому что, если бы *не то* и *не это* не существовало, то *это* и *то* было бы едино, однородно и непрерывно, а следовательно не существовало бы тоже». *Не то и не это* Хармс называет «*препятствием*». Препятствие – самый важный элемент данной системы, оно занимает центральное место, потому что, если бы не существовало препятствия, то «это и то было бы едино, однородно и непрерывно, а следовательно не существовало бы тоже». Далее мы читаем: «9. Итак: основу существования составляют три элемента: это, препятствие и то. 10. Изобразим несуществование *нулем* или единицей (курсив наш. – А. К.). Тогда существование мы должны будем изобразить цифрой три».

Также стоит отметить, что «препятствие», которое «является тем творцом, который из “ничего” создает “нечто”», возникает в процессе взаимодействия *этого* и *того*: «16. Если есть два “ничто” или несуществующих “нечто”, то одно из них является “препятствием” другому, разрывая его на части и делаясь *само частью другого*. 17. Так же и другое, являясь препятствием первому, раскалывает его на части, и делается *само частью первого* (курсив наш. – А. К.)».

Далее Хармс говорит о том, что «таким образом создаются, сами по себе, несуществующие части», которые в свою очередь «создают три основных элемента существования». Только все три основных элемента, **взятые вместе**, могут образовать некое существование, т.е. достаточно отсутствия хотя бы одного элемента этой системы, чтобы система прекратила существование [Жаккар, 1995, с. 136].

«Существование нашей Вселенной образуют три “ничто” или, отдельно, сами по себе, три несуществующих “нечто”: пространство, время и еще нечто, что не является ни временем, ни пространством». Хармс рассматривает время и пространство как «единые, однородные и непрерывные» (и, следовательно, несуществующие) сущности. Однако как только время и пространство начинают взаимодействовать, становясь препятствием друг для друга, они начинают существовать. Время, по Хармсу, раскалывается на три части: *прошлое, настоящее, будущее*, – то есть снова на *это, препятствие и то*. В данном случае именно настоящее исполняет роль препятствия между прошлым и будущим, а так как препятствие времени – пространство, то оно же является и «настоящим» времени. С пространством происходит то же самое: оно раскалывается на это, препятствие и то – *там, тут, там*. Учитывая, что препятствие пространства – время, мы получаем, что оно же является и *тут* пространства. Однако для существования Вселенной необходимо нечто, не являющееся ни временем, ни пространством; нечто, лежащее в точке пересечения времени и пространства и отделяющее «тут» от «настоящего», тем самым служа «препятствием», образующим существование Вселенной. Это нечто Хармс называет *материей*, которая свидетельствует нам о времени и пространстве: «58. Время, пространство и материя, пересекаясь друг с другом в определенных точках и являясь основными элементами существования Вселенной, образуют некоторый узел. 59. Назовем этот узел – Узлом Вселенной. 60. Говоря о себе: “я есмь”, я помещаю себя в Узел Вселенной».

Стоит заметить, что помещение себя в «Узел Вселенной» связано у Хармса с *действием* говорения, речи, причем сама фраза «я есмь» вызывает конкретные

библейские ассоциации. Таким образом, мы можем предполагать, что именно *слово* есть то препятствие, которое образует существование.

Также с «троицей существования» вполне соотносится таблица из тетради «Существование», оглашенная А. Александровым на конференции «ОБЭРИУ и театр» в 1990 году (цит. по: [Кацис, 2000. с. 467–488]).

Бог	Бог	Бог
Отец	Сын	Святой Дух
Рай	Мир	Рай
Пустота	Существование	Пустота
Прошлое	Настоящее	Будущее
Покой	Движение	Покой
Творение	Действие	Уничтожение
Религия	Материализм	Искусство
Безгрешие	Жизнь	Смерть
Воскрешение	Грех	Воскрешение
Выход из Рая	Опускание в землю	Возвращение в Рай

Л. Ф. Кацис отмечает, что в таблице (при вертикальном ее прочтении) представлено три «завета»: *Завет Бога-Отца, Завет Бога-Сына и Завет Бога-Святого Духа* [2000, с. 467–488]. При горизонтальном же прочтении таблицу можно прочесть как более подробно расписанную «троицу существования» (препятствием в данном случае становится средний столбец *мир-настоящее*, разделяющий *рай-прошлое* и *рай-будущее*).

Теперь же рассмотрим понятие *ноль*, противопоставляемое *нулю*, который, как мы уже говорили, является обозначением несуществования: «Предполагаю и даже беру на себя смелость утверждать, что учение о бесконечном будет учением о ноле. Я называю нолею, в отличие от нуля, именно то, что я под этим и подразумеваю» («Нуль и ноль» [Хармс, 1993]). При этом разграничение ноля и нуля происходит не только на уровне значений (существование-несуществование), но и на уровне графики: «5. Символ нуля – 0. А символ ноля – О. Иными словами, будем считать символом ноля круг».

Итак, круг – символ *ноля*, «самая ровная, непостижимая, бесконечная и идеальная замкнутая кривая» («О круге» [Хармс, 1993]). Но в то же время кривая, согласно этому трактату Хармса, – «такая прямая, которая ломается одновременно во всех своих точках». Именно бесконечное количество изменений прямой делает ноль-круг совершенной кривой. Мы считаем, что каждая точка, в которой ломается прямая, есть «препятствие» между *этим* и *тем*, что и позволяет ей существовать и быть совершенной. Таким образом, перед нами снова предстает «троица существования». Но вернемся к «Говору».

Уже само название «Говор» наталкивает на мысль о колдовстве (ср.: *заговор*, *заговаривать*). Кроме того, «откормленные лыбы» и «и только и тютю» как бы замыкают стихотворение, создавая кольцевую композицию, которую можно рассматривать как своеобразный круг. Основываясь на этом, мы можем сделать вывод о том, что и само стихотворение построено по той же схеме: *это – препятствие – то*, – по схеме «Узла Вселенной». Роль препятствия в данном случае выполняет средняя часть («*ка́тятся под фу́фолу ... фу́фьяются рука́ми*»). Разрывая первую и последнюю части, она тем самым вызывает их существование, но и проникает в них, становясь элементом как первой части, так и заключительной. (Мы считаем, что в первой части этот элемент – «*вздохнули и сказали // и только*

из под банки», а в заключительной – перенос строки между «и только» и «и тютю»).

Вернемся к названию стихотворения. Слово «говор» отсылает нас к глоссологии юродивого или же зауми поэта-авангардиста – языку *текущему* [Жаккар, 1995, с. 50–59], безумному, с точки зрения разума, однако обращенному к высшим сферам. Если учитывать, что перед нами модель *существующего* мира или «Узла Вселенной», то этот – совершенный в своей недоступности пониманию – «язык» – не просто способ воздействия на мир, но способ его существования, точнее, создания-возникновения. По сути, непонятность этого языка – тоже препятствие, позволяющее миру и человеку существовать. Учитывая, что текст написан поэтом, то именно поэт, притворяющийся «безумным», вызывает мир из небытия, является демиургом этого мира. Таким образом, мы можем причислить «Говор» к заклинаниям сотворения.

С другой стороны, завершающее «и тютю» позволяет нам трактовать стихотворение абсолютно противоположно. В русском языке междометие «тю-тю» означает пропажу, исчезновение, в «Говоре» оно закольцовывает композицию. Если исходить из словарной трактовки этого слова (а также не рассматривать среднюю часть как препятствие), то перед нами не ноль, а *нуль*, являющийся, по Хармсу, символом несуществования. Нуль (как и единица) является чем-то «однородным и непрерывным» и, следовательно, существовать не может. Таким образом, стихотворение представляет собой уже заклинание не сотворения, но наоборот – уничтожения мира.

Так же двояко трактовать «Говор» позволяет нам первая (и предпоследняя) строчка – «Откормленные лылы». Согласно словарю В. И. Даля, лылы (ж. мн.) – «нижняя скула, рыло» [Даль, 281]; откормленные же лылы (т. е. щеки, лицо) можно трактовать, с одной стороны, как символ жизненной силы, здоровья, достатка, поэтому неудивительно, что именно этой строчкой начинается заклинание сотворения. С другой стороны, «откормленные лылы» могут символизировать мещанство, пошлость, «механическое» существование, которые, как известно, Хармс не просто не переносил, но с которыми, наследуя предшественникам, постоянно боролся (в своей довольно нестандартной манере). В этом плане показательным соседством «откормленных лыл» и «и только и тютю» в окончании стихотворения-заговора, уничтожающего, если не мир вообще, то мир косности и пошлости (тем самым освобождая пространство и энергию для последующего творения).

Таким образом, «Говор» и на более глубоком уровне прочтения представляется нам состоящим из трех частей: заклинания творящего, заклинания уничтожающего и самого заклинателя (в данном случае – поэта-колдуна), – т. е. вполне соотносимым с уже известной нам хармсовской схемой «троицы существования». Теперь же попробуем с помощью таблицы из тетради «О существовании» более полно описать структуру и смысл анализируемого текста.

Рай	Мир	Рай
Пустота	Существование	Пустота
Прошрое	Настоящее	Будущее
Творение	Действие	Уничтожение

На этом, более глубоком уровне прочтения, препятствием является *поэт-заклинатель*, находящийся «тут» (в «мире») и в «настоящем» и совершающий *действие* (пишущий текст / произносящий заклинание), тем самым вызывая *существование*, разделяя *это* и *то* – творение и уничтожение («ноль» и «нуль» соответственно). Мы можем представить «Говор» в виде схемы:

<i>ЭТО</i>	<i>препятствие</i>	<i>ТО</i>
заклинание сотворения («ноль»)	колдун (<i>поэт</i>)	заклинание уничтожения («нуль»)

Или – графически более точной (не будем забывать, что поэт-колдун разделяет не просто два смысла, но два «кольца» – «ноль» и «нуль») – другой схемы:

Таким образом, перед нами заклинание бесконечного творения и уничтожения, перетекающих друг в друга. Поэтому вполне логично будет отнести «Говор» именно к стихотворениям-заговорам.

Литература

- Александров А. А. Материалы Д. И. Хармса в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 64–79
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1881. Т. 2.
- Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда / Пер. с фр. Ф. А. Перовской. СПб., 1995.
- Кацис Л. Ф. Прологомены к теологии ОБЭРИУ (Даниил Хармс и Александр Введенский в контексте Завета Св. Духа) // Кацис Л. Русская эсхатология и русская литература. М., 2000. С. 467–488.
- Лоцилов И. Е. Принцип «словесной машины» в поэтике Даниила Хармса // Эстетический дискурс: семио-эстетические исследования в области литературы. Новосибирск, 1991. URL: <http://www.d-harms.ru/library/princip-slovesnoy-mashiny-v-poetike-daniila-harmsa.html> (дата обращения 12.01.2014).
- Хармс Д. Горло бредит бритвою. М., 1991.
- Хармс Д. О времени, о пространстве, о существовании и др. работы / Публ. и коммент. А. Герасимовой // Логос. 1993. № 4. С. 102–124.
- Хармс Д. И. Цирк Шардам: Собрание произведений / Сост., подгот. текста, предисл., примеч. и общ. ред. В. Н. Сажина. СПб., 2000.
- Хармс Д. Неизданный Хармс. Полное собрание сочинений. СПб., 2001. Т. 4: Трактаты и статьи. Письма. Дополнения: не вошедшее в т. 1–3 / Сост., примеч. В. Н. Сажина.
- Шукуров Д. Л. Опыт деконструкции стихотворных текстов-молитв Даниила Хармса // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9, № 4. С. 366–376.
- Ямпольский М. Б. Беспмятство как исток (Читая Хармса). М., 1998.